

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОЗИЦИЯ КРИТИКИ*

С самого начала Первой мировой войны, особенно после одержанных побед, дети стали с упоением читать совершенно разную «военную» детскую литературу, играть в войну, рисовать войну, участвовать в различных военных акциях — патриотических утренниках, активно помогать в сборе пожертвований. Педагогическое сообщество, что ему свойственно, обострило ситуацию, заявив, что дети читают только про войну, играют только в войну, рисуют только войну. Практически все педагогические журналы начали проводить анкетирования и наблюдения. Поскольку вопросы в таких анкетах были только про войну, результаты предстали пугающими: дело доходило до того, что дети играли в расстрел австрийцев и пруссаков, пытали животных, представляя их врагами, рисовали кровопролитные сцены, а на вопросы о своих предполагаемых действиях на войне даже девочки отвечали: «А я бы во время сражения убила немца, и если бы увидела раненого, то тоже добила бы его».¹ Самым страшным явлением в этом ряду было массовое бегство детей на фронт. Впрочем, многие «жестокие» ответы часто были спровоцированы самими вопросами, а К. И. Чуковский, например, не видел в этой жестокости ничего страшного, считая, что в такой форме выражается рефлексивный порыв детей, который исчезнет с возрастом.²

При всех «педагогических преувеличениях» психическая экзальтация детей самых разных субкультур, от крестьянской до гимназической, была не только очевидной, но и пугающей. А детская литература эту военную экзальтацию подогрела.

Уже в первые месяцы войны в общем литературном потоке в большом количестве стали появляться как отдельные произведения для детей, так и целые сборники, которые без оглядки на психологические особенности детской аудитории популяризировали кровопролитную военную повесть, нарративы о юных героях, бежавших на войну и совершающих там невероятные подвиги, а также прославляющие войну патриотические вирши. Даже Мария Моравская, еще совсем недавно блестяще экспериментировавшая с новой поэтикой в детском журнале «Галченок» (1911—1913), в 1914 году выпустила сборник «Стихи о войне», в который, в частности, вошло стихотворение «Благодарность войне», заключающееся строками:

Стали мы всем родней,
Стали мы все добрее...
Я еле сознаться смею,
Но с грустью зреет во мне
Благодарность войне.³

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

¹ Колмогоров А. Задачи момента. О детском шовинизме // Новости детской литературы. 1916. № 2. С. 3.

² См.: Там же; Чуковский К. Дети и война: Очерк // Нива. 1915. № 51. С. 949—952; № 52. С. 964—971. В 1941 году Чуковский опубликовал очерк с таким же названием, где воспевал боевые и трудовые подвиги советских детей. Очерк заканчивался словами: «И когда кончится война и мы станем размышлять о причинах победы над врагом человечества, мы не забудем, что у нас был могучий союзник: многомиллионная, крепко сплоченная армия советских детей» (Чуковский К. Дети и война / [С предисловием ред.] // Пионерская правда. 1972. 24 марта. Впервые: Литературная газета. 1941. 7 июля).

³ Моравская М. Стихи о войне. М., 1914. С. 16.

В том же 1914 году, в течение месяца—двух после начала войны, Виктор Русаков (С. Ф. Либрович) публикует сборник очерков «Юные русские герои», где описывались подвиги реальных юных героев начиная с 1812 года и заканчивая событиями текущей войны.⁴

К. В. Лукашевич во время войны специализировалась на выпуске ура-патриотических хрестоматий.⁵ В первой из них — «Великая война» — с воспевающими войну стихами выступали и известные авторы Серебряного века (Н. Агнивцев, М. Кузмин, С. Городецкий, А. Рославлев), и авторы, впоследствии успешно трудившиеся на ниве советской детской литературы. Среди последних, в частности, были В. Князев и Д. Цензор. Цензор спустя много лет, уже во время Великой Отечественной войны, умудрился опубликовать образец своей лихой патриотической поэзии в журнале «Мурзилка»: «...Я смелым разведчиком буду / Я планы снимаю точь-в-точь. / Мы Армии Красной повсюду, / Где нужно, готовы помочь!»⁶

Особо следует отметить факт появления в этой хрестоматии идеи мести врагу, в том числе и со стороны детей. Она проявлялась в стихах о детских жертвах и жестокостях немцев и снабжалась соответствующими иллюстрациями — например, немец, наступающий на мертвых или стреляющий по иконам. В этом же отношении показательны строки опубликованного Лукашевич стихотворения Ф. Сологуба «Два бойскаута»:

Двух отважных расстреляли
Беспощадные враги,
Голоса их замолчали,
Отзвучали их шаги.
<...>
Для победы и для чести
Славной родины твоей
Ты не бойся вражьей мести.
Милой жизни не жалеи.

Стихотворение Сологуба тоже подкреплялось визуально — иллюстрацией, на которой были изображены два мирных бойскаута с удочками и поноской.⁷

В 1915 году Лидия Чарская, пользовавшаяся убийственной репутацией у критиков, но остававшаяся самым популярным среди детей автором, выпустила повесть «Игорь и Милица», герои которой, бежавшие на войну гимназисты, совершали «ежестраничные» подвиги, выходя победителями из самых безнадежных ситуаций. Так, в одном из эпизодов повести юный герой Чарской, плененный и приговоренный к расстрелу, уже слышит роковой выстрел, однако в последний момент оказывается, что стрелял не враг австриец, а примчавшийся ему на помощь русский казак.

Заметим, что впоследствии сюжет о чудесном спасении во время расстрела будет повторяться часто, и в литературе, и в кинематографе — точно так же, как и словесные формулы, выражающие недоумение врага перед духовной мощью русских: «О, эти русские! Откуда в них эта несокрушимая сила? Даже дети их не боятся смерти, пренебрегая ей...»; «Вы спрашиваете, где русские? Всюду, где только можно: они за вами, они справа и слева от вас, они, как буря, как пламя, от которого суждено погибнуть вам».⁸ Естественно, повесть Чарской венчает «happy end».

⁴ Русаков В. Юные русские герои. Очерки и рассказы о военных подвигах русских мальчиков М.; Пг. 1914. Книга с почти таким же названием выходила и во время Великой Отечественной войны: Губин А. Е. Юные герои. Ростов н/Д., 1944.

⁵ Лукашевич К. В. Великая война. Поэтическая хрестоматия для семьи и школы: Сб. стихотворений. М., 1915.

⁶ Цензор Д. Школьная — соревновательная // Мурзилка. 1942. № 10. С. 4.

⁷ Лукашевич К. В. Великая война. С. 93.

⁸ Чарская Л. Игорь и Милица (Соколята): Повесть для юношества из великой европейской войны. Пг., 1915. С. 205.

Если на начальном этапе войны в детской литературе преобладала героическая тематика, то к концу 1915 года спектр ее тем заметно расширился. Ее условно можно разделить на три тематических потока.

Первый образовывали собственно произведения о боевых действиях. Его представляют остросюжетные повести и рассказы о военных приключениях как взрослых, так и детей («Игорь и Милица» Л. Чарской, «На поле брани» Г. Т. Северцова-Полилова, «Доброволец» И. И. Митропольского), репортажные очерки о детях-воинах («Дети на войне» А. Кайского), нарративы о гуманизме русских воинов и жестокости их противников («С войны» С. А. Малиновской). В эту категорию детской литературы можно включить многочисленные переводы произведений на военную тематику, среди которых особой популярностью пользовались сокращенные переводы-переделки «Старухи Соваж» и «Пышки» Г. де Мопассана. Из «Старухи Соваж» вымарывали пассажи, проникнутые сочувствием к австрийским матерям, сыновья которых погибли в пожаре, устроенном героиней-мстительницей, а из «Пышки» — упоминания о профессии героини.⁹ Популярны были сборники «военных сюжетов» из русской литературы, даже включавшие отрывок о гибели Пети Ростова (поскольку он «юный герой»)¹⁰.

Второй корпус составляли тексты, если так можно выразиться, «о войне без войны» — о прошлых войнах (И. Шмелев «Солдат Кузьма»), о первоначальной несправедливости к русским немцам и восторжествовавшей затем справедливости по отношению к ним (И. Потаненко «Не немка»), о службе детей в лазаретах (Е. Шведер «За родину»). Очень актуальной темой в детской литературе оказалась тема сбора пожертвований, которая поддерживалась агитацией во всех детских журналах. Правда, вопреки всем попыткам привнести в этот сюжет нечто оригинальное, в основном получались шаблонные рассказы, наделенные модальностью позитивного примера. Наиболее оригинальными по сюжету, построенными по модели «неожиданное вместо ожидаемого», но предельно наивными и крайне недостоверными можно, вероятно, признать рассказы Шведера — одного из немногих авторов, получавших позитивные отклики от критики; например, «Гаврюшены копейки» (нищий-недоумок просит милостыню, меняет копейки на гривенники и сдает их как пожертвования фронту) или «Скареда» (семья экономит на всем, но на самом деле они не скупые, а собираются шить рубахи и отнести их в комитет по сбору пожертвований для раненых воинов). Самым частотным сюжетом было хождение детей с кружкой для пожертвований. Таково, например, стихотворение А. Липского в журнале «Жаворонок» за 1915 год:

Всю ночь Наташа не спала.
Лежала, смяв подушку.
Вчера бабуся принесла
Из комитета кружку. <...>

Все тяжелей ее запас,
И шепчут губы Наты:
«Спасибо, добрые — за вас
Помолятся солдаты!»¹¹

⁹ Переводы рассказов Г. де Мопассана анализируются в статье: Елачич Е. Война и руководство детским чтением // Что и как читать детям. 1915. № 1. С. 11—19. Во время Великой Отечественной войны данные рассказы Г. де Мопассана неоднократно перепечатывались, а «Старуха Соваж» переделывалась даже для журнальных изданий. При этом полностью вымарывались гуманистические рассуждения автора, а образ врага последовательно снижался. См., например: Мопассан Г. де. Тетка Соваж // Мурзилка. 1942. № 10. С. 10—12. Рассказ завершался иллюстрацией В. Лебедева, где Соваж с ружьем караулила горящий дом, чтобы из него не выбежали враги.

¹⁰ См., например: Альманах для юношества. Хрестоматия для домашнего чтения. Пг., 1916; Петя Ростов: Рассказ из борьбы России с Наполеоном. По роману «Война и Мир» Л. Н. Толстого. Пг., 1915.

¹¹ Липский А. Сборщицы // Жаворонок. 1915. Вып. 2. С. 34.

Третий поток включал научно-популярную литературу для детей, преимущественно страноведческую (причем в начале войны список возглавляла литература о Бельгии) и военно-техническую.

Тематический и авторский состав детской литературы Великой войны разобран в ряде публикаций,¹² нас же в большей степени интересует вопрос малоисследованный — как отреагировала на военную литературу критика детской литературы. При этом следует оговориться, что с момента возникновения до наших дней, за редчайшими исключениями, она была критикой скорее педагогической, чем литературной.

Начало войны, ее первые события привели критиков детской литературы в некоторую растерянность. С одной стороны, общий патриотический подъем, а с другой — специфическая и порой непредсказуемая реакция детей на военные события — от концентрации только на военных книгах до бегства на фронт — настоятельно потребовали выработки определенной позиции в отношении к волне печатной продукции для детей, вызванной военной реальностью. Ведущий критический журнал детской литературы «Что и как читать детям» даже закрылся на три месяца, чтобы, по словам редакции, осмыслить ситуацию и предложить свою концепцию действия.¹³

Поиск критическим сообществом своей позиции по данному вопросу был крайне актуален, и уже на рубеже 1914—1915 годов критики детской литературы выработали три позиции. Первая позиция была представлена в брошюре М. К. Соколовского¹⁴ «Героическая детская литература», опубликованной в 1914 году.¹⁵

Соколовский, будучи, видимо, первым, кто исследовал проблему изображения героизма в детской литературе с точки зрения задач воспитания, стал автором трех быстро прижившихся терминов: героическая детская литература, героико-патриотическая и военно-патриотическая детская литература (или литература для детей). Он подчеркивал значение и необходимость такого рода творчества, которое «пробуждает и укрепляет чувство любви к родине», а без него, в свою очередь, «немыслимо прочное существование государства».¹⁶ Читатель, «думая о чудесах долга и самоотвержения, совершенных во славу родины на поле брани, <...> проникается чувствами долга и преданности» и даже идеей самопожертвования.¹⁷ Кроме того, Соколовский приводил рекомендательный список книг, включавший, кстати сказать, сочинения и Лукашевич, и Чарской («Газават» Чарской он хвалил за уважение к героизму противников).¹⁸

¹² См.: Хеллман Б. Мобилизация детей: военная тематика в журналах для детей и юношества периода Первой мировой войны // Политика и поэтика. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования, материалы. М., 2014. С. 745—757; Мязотс О. Н. Критика детской литературы в России в годы Первой мировой войны (По материалам журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям») // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 136—160.

¹³ «Мировая война захватила собою все внимание и все силы русского общества. Культурная работа страны, возможная только в условиях мирного времени, неизбежно приостанавливается. И не может редакция правильно продолжать свою работу не столько даже потому, что война отвлекла многих близких сотрудников журнала, но главным образом потому, что в настоящее время все интересы, все внимание общества (и работников журнала в том числе) направлены совсем не на вопросы детского чтения, а на мировую войну, так глубоко захватившую все стороны жизни страны. Вот почему редакция чувствует себя вынужденной приостановить выпуск журнала на три месяца, т. е. до нового года» (От редакции // Что и как читать детям. 1913/1914. № 12. С. 1).

¹⁴ Соколовский Михаил Константинович (1867—1941) — историк, председатель Общества ревнителей военной истории в 1903—1914 годах, автор множества военно-исторических трудов. В 1915 году при его участии также подготовлена весьма популярная среди детей выставка «Война и наши трофеи» (Война и наши трофеи. Выставка; Петроград. 1915: [Каталог]. Пг., [1914]).

¹⁵ Соколовский М. К. Героическая детская литература. Пг.; М., 1914.

¹⁶ Там же. С. 4—5.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 16.

Брошюру Соколовского, вопреки первому впечатлению, нельзя признать совсем одиозной. Автор, в общем, взвешенно подходил к предмету своих критических оценок. «При первом знакомстве с сюжетами той литературы для юношества, которую я назвал героической, — отмечал он, — всякого поражает заезженность героев, и притом очень часто таких, которые по своему человеческому облику далеко не могут претендовать на такое почетное место в детской литературе». Но по главным вопросам развернувшейся дискуссии о детской военной книге Соколовский, хоть и с оговорками («надо найти верный тон», «не надо поощрять бегство юнцов в армию»), выступал в ее поддержку, поскольку в основе бегства детей на фронт, по его словам, «лежит, большею частью, благородный порыв и нет в нем ничего позорного, преступного» и поскольку «бессмысленно от детей скрывать кровавую сторону каждой войны. Напротив, пусть юные читатели знают, что то „упоение в боях“, которое воспевают поэты, неизбежно связано со страданиями, бедствиями, несчастьями».¹⁹ Поддержкой у Соколовского пользуется в том числе и детская литература, специализирующаяся на юных героях войны: «Наша история знает еще один тип героев: юношей и подростков, унесенных в дни грозы общим потоком в ряды воюющих и успевших высказать свою храбрость и отвагу на поле брани и вообще таких, которые в ранние годы проявили военные доблести»;²⁰ «Попытка собрать сведения о подобных героях в разные периоды нашей истории и рассказать их молодым читателям сделана в книге Виктора Русакова „Юные русские герои“».²¹ При этом автор брошюры замечает, что такая литература должна быть художественной, достоверной и не походить на военные реликвии.²²

Вторую точку зрения высказал известный критик Н. А. Саввин, который еще в 1912 году скептически отзывался о юбилейной детской литературе, посвященной Отечественной войне 1812 года, утверждая, что «она проникнута ярко обозначенным духом восхваления в направлении воинствующего патриотизма, нередко переходящего в национализм дурного тона».²³ Саввин возлагал на детскую военную литературу очень серьезные задачи²⁴ и позитивно оценивал только малую ее часть — «Солдата Кузьму» Шмелева, ряд рассказов Шведера, стихи Моравской. В большинстве своем «военную» поэзию для детей он называет «вымученным стихотворством». Но даже при столь критическом отношении Саввин признает: «Сейчас беллетристика на военные темы — неизбежная дань времени, и с этой точки зрения невозможно ни протестовать против помещения рассказов на военные темы, ни критически разбирать их. Остается подчиниться факту».²⁵ Таким образом, Саввин обозначил задачи критики, но признал ее бесполезность в условиях военного времени.

Третью позицию, гуманистическую, представляли редакции двух критико-библиографических журналов, посвященных исключительно рецензированию детской литературы, — «Что и как читать детям» (СПб., 1911—1917, редактор Е. А. Елачич)²⁶ и «Новости детской литературы» (М., 1911—1916, редактор

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ Там же. С. 19 (речь идет об изд.: Русаков В. Юные русские герои. М.; Пг., 1914).

²² Там же. С. 13.

²³ Саввин Н. Детская литература и журналистика в 1912 году // Педагогический листок. 1912. № 47. С. 534.

²⁴ «В эпоху великой, небывалой войны, казалось бы, вопросы детского чтения и сама детская литература должны были отойти на второй план, но при ближайшем рассмотрении и при более вдумчивом отношении к детской литературе оказывается, что вопрос о детском чтении в дни войны приобретает особенное значение. Пройдет война, и теперешнему поколению придется со временем приняться за переустройство жизни при новых началах или же залечивать раны, перенесенные войной» (Саввин Н. А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1915 г. М., 1916. С. 3).

²⁵ Саввин Н. А. Опыт ежегодника детской литературы. С. 50.

²⁶ См.: Головин В. В. Евгений Елачич — критик детской литературы // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 154—171.

А. И. Колмогоров). Елачич стал инициатором и автором часто цитируемой резолюции 1914 года «Война и дети», вынесенной на собрании в Петроградском педагогическом обществе учителей и редакций педагогических журналов. Она включала семь пунктов, была опубликована в первом выпуске журнала «Что и как читать детям» за 1915 год и четко обозначила идеологию журнала в отношении военной детской литературы. Пункты эти таковы:

1) Состояние войны требует «обдуманного, согласованного и активного воздействия на детей»; «признается необходимость в этом направлении педагогически пользоваться фактами исторического момента для гуманитарного воздействия на молодежь»;

2) «Приветствуя честные и бодрые порывы детей к личному проявлению своего участия в текущих событиях (...) направить эти порывы путями, наиболее соответствующими детским физическим и моральным силам»;

3) «Влияние ужасов войны (...), расшатывающих психику не только детей (...) и вызывающих огрубение чувства и сознания, должно быть насколько возможно ослаблено»;

4) «Нужно бороться против лубочных представлений о войне, против издевательств и унижений противника (...) зорко глядеть за отношением учащихся к товарищам не русского происхождения и не допускать грубого отношения к ним»;

5) «Принимая во внимание повышенную нервность учащихся в настоящий момент, необходимо заботиться об оздоровлении школьной атмосферы, (...) о прочнейшем сближении учащихся с учащимися и с родителями»;

6) «Идя навстречу оживившемуся интересу к вопросам истории, географии и этнографии, школа должна организовывать чтения для учащихся, допускать ученические кружки самообразования, расширять свои библиотеки и т. д.»;

7) «Предупреждая нежелательные, но в детском возрасте неизбежные последствия долгой фиксации внимания на предметах одного порядка, семья и школа должны внести в свой обиход возможно больше впечатлений, воспитательно развлекающих и благородно действующих на возбужденную нервную систему (...)».²⁷

Резолюцию встретили как поддержкой, так и неодобрением: нельзя забывать, что радикальные националистические и германофобские настроения были достаточно широко распространены в России, где русский этнонационализм объединялся с имперским энтузиазмом.²⁸

Принципы оценки военной книги для детей в резолюции обозначены довольно четко. Критическое и педагогическое сообщество должно учитывать рефлексию читателя-ребенка, быть негативно настроено в отношении «натуралистических» описаний войны в книгах для детей, выступать против «издевательств и унижений противника», а также против изображения ребенка как героя. Всему этому противопоставлялась литература «гуманного отношения к товарищам не русского происхождения» (отсюда появление произведений, сочувствующих русским немцам) и литература, «направляющая „порывы“ детей в нужную сторону» (как следствие — появление потока произведений о благотворительной деятельности детей). В конечном счете, сообщество постулировало следующий «педагогический заказ» — чтение ребенка, насколько это возможно, должно быть переориентировано на научно-популярную, познавательную книгу.

Рядом с резолюцией опубликована статья Елачича «Война и руководство детским чтением», которая завершалась показательным пассажем: «Главная зада-

²⁷ Война и дети // Что и как читать детям. Критико-библиографический ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 20—21.

²⁸ См.: Kukulin I. The World War against the Spirit of Immanuel Kant: Philosophical Germanophobia in Russia in 1914—1915 and the Birth of Cultural Racism // Studies in East European Thought. 2014. Vol. 66. P. 101—121.

ча — оградить ребенка от серьезного вреда поверхностного, легкомысленного чтения и от великого зла огрубения, озлобления и человеконенавистничества».²⁹

Со схожей программой в статье «Задачи момента (о детском шовинизме)» выступает и редактор «Новостей детской литературы» А. И. Колмогоров.

Вместе с тем нельзя не упомянуть, что редакции этих журналов позиционировали себя, в силу их опыта и знаний, как имеющие исключительное право на суждения о детской литературе, что значительно влияло на стилистику и содержание рецензий.³⁰ Появление любой детской книги о войне, кроме научно-популярных, встречало в этих журналах преимущественно отрицательную оценку. К «классическим нормам» (достоверность/недостоверность, оригинальность/шаблонность, убедительность/неубедительность, хороший/плохой язык) в рецензиях прибавились эмоциональные возмущения в защиту детей, если сюжет подразумевал унижение врага или в произведении описывались жестокости войны, или в нем появлялись дети-воины. Как бы то ни было, критика создавала репутацию автору и произведению, и несоответствие «канону», несомненно, некоторым образом усложняло путь книги к юному читателю. Возьмем для примера ряд книг, из тех, что оценивались крайне негативно.

Упоминавшаяся выше повесть Чарской «Игорь и Милица» действительно представляла собой пособие по воспитанию шовинизма, «агитку» по бегству на фронт и альбом ужасов войны. Достаточно привести две цитаты: «Теперь каждому шагу тевтонского нашествия предшествовали кровопролитные бои с доблестным бельгийским войском. С оружием в руках встречали они насильников. Началась неравная борьба: маленький бельгийский народ, заливая свои мирные поля кровью, всячески старался приостановить дерзкий наплыв огромной тевтонской орды.

В этом неравном бою проявилась еще раз во всей ее неприглядности хищная, варварски-жестокая и некультурная природа германской нации. Как дикие звери, набрасывались они на ни в чем не повинного противника, жестоко расправляясь с мирными жителями, тысячами замучивая и расстреливая их, сжигая их селения, разрушая дома, грабя имущество, опустошая их поля и нивы».³¹

«Незаметно среди воспоминаний и грез, охвативших ее юную голову, проползла Милица весь положенный путь до самого селения. Теперь белый костел и крестьянские избы находились от них всего на протяжении какой-нибудь сотни шагов. Но то, что увидела девушка там впереди — на площадке костела, едва не вырвало крика ужаса из ее груди. У самой паперти храма росли деревья: два старые каштана, почти что обнаженные от листвы и к стволу обоих было привязано по человеку... Белые рубахи этих несчастных были сплошь залиты кровью и в нескольких местах тела зияли страшные следы сабельных ударов.

На сучке одного из деревьев болтался повешенный за шею третий несчастный... А белые домики и костел, казавшиеся такими чистенькими и красивыми издали, вблизи представляли из себя одни жалкие груды развалин... Следы пожара и разрушения виднелись повсюду...»³²

Рецензент осмыслил произведение Чарской так: «Прочтешь эту книгу и с горечью подумаешь — неужто эту книгу написала интеллигентная женщина? Какое

²⁹ Елачич Е. Война и руководство детским чтением. С. 16.

³⁰ «И все, в чьих руках находится воспитание детей и юношества, должны внимательно следить за тем, как отражается война на детском сознании, и бороться со всем, что может заронить в детскую душу неправильные представления и зажечь грубый шовинизм и националистическую нетерпимость. Помочь в этой работе всем лицам и учреждениям, которые сами не имеют возможности ни следить за рынком детской книги, ни разбираться в ней, предостерегать от всего недоброкачественного и нездорового — наш журнал и считает своей главной задачей в настоящий, исключительно для России момент» (От редакции // Новости детской литературы. 1915. № 1. С. 1—2).

³¹ Чарская Л. Игорь и Милица. С. 138.

³² Там же. С. 166.

непростительное легкомыслие писать такие книги для детей. Война подняла для нас всех, взрослых интеллигентов, ряд мучительно-сложных и подчас неразрешимых вопросов. Но кое-что все-таки ясно и теперь: нельзя вмешивать в войну детей и подростков и нельзя лгать. Если изображать войну, то так, как она есть, не вводя в заблуждения целые будущие поколения. Ведь в их руки передаем мы разрешение вопроса о том — быть или нет войне. И им надо говорить правду. А в повести Чарской — все ложь, все грубый и лживый лубок. Есть на войне и подъем и воодушевление, могущие в отдельные моменты заглушить страх смерти, есть бесстрашие и героизм, но ведь это яркие пятна на общем фоне лишений, заглушенного страха и страданий. Долг солдата — тяжелый долг, исполняемый очень часто с большим напряжением и горем, а у г-жи Чарской все весело, все празднично, все умирительно: никто смерти не боится, все благодушны, солдаты нежны к мальчикам, начальники и подчиненные в прекрасных отношениях, везде успех, мы всюду побеждаем, и вообще все очаровательно. Война — это по Л. Чарской ряд подвигов и наград, ряд сильных переживаний, для которых окружающие смерти, разорванные тела и т. п. лишь фон, только ярче подчеркивающий лишь славу описываемых героев. Но как в 13—14 лет, прочитав такую книгу, не убежать мальчику или даже девочке на войну? Книга, вероятно, и написана с целью такой пропаганды, иначе и нельзя объяснить намерений автора».³³

Хрестоматии и школьные сценарии Лукашевич воспринимались в схожем ключе. О хрестоматии «Патриотическое литературное школьное утро» рецензент «Новостей детской литературы» просто вопиет: «В честь чего и зачем? Неужели война, поставившая перед человечеством бесконечный ряд нравственно противоречивых вопросов, принеся с собой столько страданий, неужели она может служить поводом и материалом для устройства праздников? Война врывается в детскую без книг и нарочно устроенных для нее праздников. Дети лишаются отцов, братьев, близких; они по-своему и, может быть, больше, чем думает г-жа Лукашевич, страдают. И нужно протестовать перед подобным раскрытием перед детьми ужасов человеческих страданий, как это делает г-жа Лукашевич своими рассказами, перед нами проходит целый ряд описаний ужаснейших сцен, перед нами рассказы очевидцев и современников о войне, те рассказы, которые мы читаем ежедневно в газетах. Люди с перебитыми ногами, с осколками гранаты в голове, с перевязанными руками (...) Жутко за человека и пусть, если пока возможно, это чувство минует детей».³⁴ Отзыв об этой книге в «Что и как читать детям» был не менее категоричен: «Вряд ли в тревожное, военное время в детской хрестоматии уместно стихотворение Голенищева-Кутузова „Клад“ — о русских солдатах, заживо погребенных турками. Какое чувство оно может возбудить в детской душе, кроме злобы, ненависти и жажды мести?»³⁵

Следует заметить, что во время Великой Отечественной войны тоже бывали рекомендации по детскому чтению. Они печатались практически в каждом выпуске журнала «Дошкольное воспитание» и вполне напоминали то, что предлагалось хрестоматиями Лукашевич. Во многих ура-патриотических стихах — А. Прокофьева, О. Высотской, С. Михалкова и др. — также присутствовала идея беспощадного мщения врагу.

Собственно, более или менее развернутая аналитика в рецензиях времени Первой мировой встречается довольно редко. Оценивая серию «Рассказы о великой войне для семьи и школы» (М., 1915), З. П. Павлова-Сильванская пишет: «Загла-

³³ Абрамова В. Лидия Чарская. Игорь и Милица (Соколята) // Что и как читать детям. 1916. № 5/6. С. 172—173.

³⁴ Литература о современной войне. Обзор 2 // Новости детской литературы. 1915. № 2. С. 16.

³⁵ [Б. п.]. <Рец. на:> Клавдия Лукашевич. Патриотическое школьное утро. Хрестоматия. 1914—1915. М., 1915 // Что и как читать детям. 1915. № 2. С. 79.

вие второй книжки „Наши герои” говорит само за себя: отрывки содержат описания разных случаев героизма наших солдат и офицеров (...) Но безусловно антипедагогичны описания, в которых убийство переходит в нечто вроде спорта. Правда, без убийства нет войны, но его приходится принимать как тяжелую необходимость; и нельзя допустить, чтобы у детей могла зародиться мысль о другом отношении к вопросу».³⁶

Критика детской литературы весьма специфична и отлична от критики литературы для взрослых. Она не находится в мейнстриме, не адресуется собственному читателю, а обращена, помимо писателя, к руководителю детского чтения и имеет свою парадигматику, преимущественно педагогическую. Поэтому рецензенты детской книги часто в качестве главного аргумента предлагают знаковую цитату из рецензируемой книги, которая должна определять отношение к ней в целом, создавать репутацию ее автору. Вышеуказанная рецензия Павловой-Сильванской заканчивалась следующими словами: «В этом сборнике несколько рассказов говорят об убийстве в совершенно недопустимом тоне. Напр., на стр. 14: „австрийцы утром попили, надо полагать, кофе и вздумали посмотреть, что перед позициями. Высунулись, а наш Бычек (прозвище солдата; он устроил себе очень остроумное прикрытие) по ним: чик, чик, чик. Бьет на выбор. Семь человек так, среди них двух офицеров, *начикал (!)*”. И дальше „чуть австрийцев поднялась голова, Бычек чик, — и готово” (стр. 15). Взрослому становится жутко, когда читаешь, что люди принуждены становиться в такие положения, но детей надо оберегать от таких впечатлений».³⁷

В некоторых случаях критика пугалась даже просто захватывающего сюжета, который мог произвести сильное эмоциональное впечатление на детей. Так, рецензия на книгу Г. Т. Северцова-Полилова «На поле брани» (Пг., 1914) начиналась, казалось бы, комплиментарно. В ней говорилось, что ее «автор обладает не только бойким пером и пишет не только живо, но и интересно, и если бы только одно это требовалось, то сборник можно бы было рекомендовать». Но далее приводились пересказы ура-патриотических и шовинистических сюжетов, и рецензия оканчивалась неутешительным выводом: «Вот эти-то сюжеты, нежелательные для детского чтения, заставляют отвернуться от книги г-на Полилова».³⁸

Именно с такой мотивировкой — «нежелательность для детского чтения» — наиболее жесткой критике подверглись книги, в которых описывались подвиги юных героев. Главное обвинение, которое выдвигалось в рецензиях, сводилось к притягательности поведения таких персонажей-беглецов в глазах юных читателей и, следовательно, к провокации желания сбежать на фронт.

Рецензии часто прерывались пассажами о ранениях и увечьях детей на фронте, яркими выдержками из донесений военных корреспондентов, утверждавшими, что такие беглецы являются обузой для армии, что, попадая в полк, они служат «игрушками для солдат в одном ряду с полковыми козлами и ротными жучками»,³⁹ и что в результате «дети невдалеке от позиций курят махорку, пьянствуют (!), мерзнут, голодают, ругаются».⁴⁰

Особенно досталось рассказу И. И. Митропольского «Доброволец»,⁴¹ в котором, кстати сказать, обнаруживается ряд сюжетных и иных совпадений с извест-

³⁶ Павлова-Сильванская З. <Рец. на:> Рассказы о великой войне для семьи и школы. Наши раненые. Наши герои. Все в войне. На войне. По следам войны. М.: Изд. Сытина. 1915 // Что и как читать детям. 1915. № 7/8. С. 143.

³⁷ Там же.

³⁸ Литература о современной войне. Обзор 5 // Новости детской литературы. 1915. № 6. С. 5.

³⁹ Колмогоров А. Задачи момента. О детском шовинизме. С. 6.

⁴⁰ Чуковский К. Дети и война: Очерк // Нива. 1915. № 52. С. 968.

⁴¹ Митропольский И. И. Доброволец. Рассказ из Второй отечественной войны. М., 1915.

ной повестью В. Катаева «Сын полка».⁴² Поскольку «Доброволец», предлагавший опасную модель поведения, был весьма популярен среди читателей, он подвергался серьезным нападкам со стороны критики. Чуковский, считая, что сюжеты «бегство к индейцам» и «бегство на фронт» — близкие вещи, так оценивал этот рассказ: «Где тот ребенок, который, прочтя эту повесть, не захочет убежать на войну! Почти в каждом детском журнале таких повестей — по несколько; и похоже, что взрослые всякими способами разнуздывают в детской душе эту опасную страсть. Вышла даже специальная книжка А. Кайского „Дети на войне“, где так аппетитно смакуются подвиги юных героев, что жалеешь, почему этому автору больше двенадцати лет, и он не может убежать на войну. И в литературе, и в жизни установилось к этим „детям-героям“ какое-то ходульное, фальшивое отношение, которое мне кажется грехом».⁴³

Упомянутую книгу Кайского «Дети на войне» (Пг., 1915) критика сделала вообще одиозной: «Чего только нет в этих рассказах! И ужаснейшие сцены человеческих страданий, и необузданное восхваление детских подвигов <...> Ну как не убежать на войну, когда прочтешь, например, такую тираду: „Славные русские дети растут на этой войне. Под Августовым, под Осовцом, под Люблиным вылетали эти соколенки и помогали старшим, их глаза остры и щуплые они, но железные когти у них и железный клювок”».⁴⁴

Определенный ответ на этот феномен предлагала и сама детская литература, в которой получили хождение сюжеты, когда юный герой сначала стремится на войну, но постепенно, сталкиваясь с реальностью — работая в госпитале или на сборе пожертвований, — проявляет благоразумие и остается помогать фронту в тылу (как, например, в рассказе Шведера «За Родину»). Чуковский всячески поддерживал и популяризировал подобного рода тексты, появлявшиеся, например, в журнале «Божья нива».⁴⁵

Итак, критику детской литературы, посвященной Первой мировой войне и издававшейся во время нее, можно свести к ряду полемических по отношению друг к другу направлений. Однако при этом необходимо учитывать некоторые значимые детали. Такая критика не преобладала в общем потоке критики детской литературы, а представляла не более десятой ее части. В свою очередь в большинстве детских журналов военная тема вообще занимала очень незначительное место, а в журналах для малышей почти не встречалась. Гуманистический настрой русской интеллигенции, который поддерживала журнальная критика детской литературы, оказал известное влияние на книжный рынок и особенно на содержание детских журналов.

⁴² И у Митропольского, и у Катаева герои — трогательные сироты. И в том, и в другом произведении солдаты и офицеры стараются всячески оберегать своих подопечных от военных тягот. Маленькие фронтовики однотипно именуют своих наставников — «дяденька Трофимов», «дяденька Биденко». И тот, и другой по своей наивности попадают в неловкие ситуации. Наконец, и тот, и другой совершают подвиг. (Интересно, что сам Катаев в 1915 году, не завершив гимназического курса, поступил добровольцем в действующую армию.)

⁴³ Чуковский К. Дети и война: Очерк // Нива. 1915. № 52. С. 968.

⁴⁴ Колмогоров А. Война и дети // Новости детской литературы. 1915. № 3. С. 6.

⁴⁵ «Я все ждал, не появится ли в каком-нибудь детском журнале повесть о каком-нибудь мальчике Юшке, который хоть не попал на войну, но наделал куда больше подвигов, чем мальчик Дима, который попал. Спас, например, свою мать от пожара, или братишку от бешеной собаки, в то время как Дима болтался у всех под ногами, всем надоедал, всем мешал, попадал непрерывно впросак и — без подвигов, ошипанным цыпленком, возвратился уныло домой» (Чуковский К. Дети и война: Очерк // Нива. 1915. № 52. С. 970).